

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

Г. А. Фоменко, доктор географических наук,
профессор, АНО научно-исследовательский
проектный институт «Кадастр»;
Ярославский государственный технический
университет, info@nlpik.ru,
Ярославль, Россия

Институциональная и эволюционная методология развивается как часть широкого культурного сдвига в экономической и социальной географии начиная с 1990-х годов. Эти подходы результативны в природоохранной сфере как теоретическая основа для разработки соответствующих концепций и стратегии. Выполненное с их использованием исследование эволюции формальных и неформальных природоохранных институтов позволило уточнить возможный социокультурно обусловленный коридор институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью в России.

Institution- and evolution-based methodology is developed as part of a huge cultural shift in economic and social geography since the 1990s. These approaches are effective in the environmental field, as a theoretical basis for the development of relevant concepts and strategies. A study of the evolution of formal and informal environmental institutions carried out in this way made it possible to specify socio-culturally determined frames of institutional changes in environmental management in Russia.

Ключевые слова: устойчивое развитие, институциональная и эволюционная география, природные ресурсы, экосистемные услуги, территориальные институциональные матрицы, природоохранные институты, категория ответственности.

Keywords: sustainable development, institution- and evolution-based geography, natural resources, ecosystem services, territorial institutional matrix, environmental institutions, category of responsibility.

Мы живем в мире, где сложившиеся модели и методы управления природоохранной деятельностью на глазах теряют эффективность из-за стремительного усложнения отношений «Природа — Общество», когда наблюдаются быстрые изменения в спросе на природные ресурсы и экосистемные услуги, возрастают техногенные риски. В любом случае, для своей хозяйственной деятельности человек изымает все больше и больше пространства. Так, за 30 лет после 1950 г. под пахотные угодья было преобразовано больше земель, чем за 150 лет между 1700 и 1850 годами; за несколько последних десятилетий в мире уничтожено 20 % коралловых рифов и еще 20 % деградировали, исчезло 35 % мангровых зарослей. С 1960 г. количество воды в искусственных водохранилищах увеличилось в 4 раза. С 1960 г. забор воды из рек и озер увеличился вдвое [1]. Эти процессы в природопользовании предсказал более 100 лет назад известный российский географ В. А. Анучин, который, синтезировав огромный фактический материал по страноведению, истории, философии, этнографии, археологии, экономике, показал, как по мере развития общества возрастает его зависимость от природы, как она качественно и количественно меняется [2]. Жертвами собственного могущества пали многие оазисы цивилизации на различных континентах Земли: процветающие общества пережили неожиданный для современников (и для историков) «надлом и распад». Историческая, географическая и этнографическая литература полны описаний предметных эпизодов, когда события развивались именно по такой каузальной схеме [3].

Происходящие экологические изменения столь стремительны, что в экспертном сообществе отсутствует однозначное понимание того, в каком направлении следует развивать природоохранное управление и насколько современные природоохранные практики зависят от широко понимаемых географических условий. К настоящему времени сложились различные методологические подходы к природоохранной деятельности. Их можно условно подразделить на: (1) экологический алармизм; (2) энвайронментализм (который подразделяется на экономизм, или оптимизм технологический; кон-

¹ В данном номере журнала публикуется первая часть статьи, продолжение — в следующем номере журнала.

сервационизм; биоцентризм; экологизм); (3) изоляционизм; (4) переход к «зеленой» экономике в интересах устойчивого развития [4]. Эти подходы объединяет признание нарастания рисков глобальной экологической катастрофы, а отличия заключаются в выборе методов ее предотвращения в соответствии с представлениями о будущем и интересами различных социальных групп.

Эволюция изменений в управлении природоохранной деятельностью относится к числу недостаточно изученных процессов как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения. Генезис таких систем управления, характер и степень влияния социокультурных особенностей территорий на природоохранное регулирование в научном плане разработаны слабо. Первый опыт институционального анализа природоохранной деятельности был изложен автором в 2004 году в книге «Управление природоохранной деятельностью: основы социокультурной методологии» [5]. Развивая изложенные в ней методологические подходы, в данной статье анализируется ситуация в российском управлении природоохранной деятельностью как результат многовековой институциональной эволюции и определяется возможный коридор институциональных изменений.

Методология

В институциональном отношении казавшийся незыблемым в конце XX века основной тренд на экономическую глобализацию и расширение влияния универсальных природоохранных институтов столкнулся с возрастанием роли географических факторов, образно названного Р. Капланом «мезью» географии [6] и культурным противодействием, которое также можно назвать «мезью» культур, поскольку культура «представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» [7, С. 81], а устойчивость культурного наследия порождает «эффект колеи», который трактуется Д. Нортон как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения...» [7, С. 39]. Поэтому для каждой территории нужна социокультурная «настройка» природоохранных институтов, для понимания особенностей которой целесообразно исследование эволюции исторически сложившихся территориальных институциональных систем со свойствами им природоохранными институтами, а также выявление социокультурно обусловленного коридора возможных институциональных изменений.

Развивая удачный термин Д. Норта [8, С. 16], определим природоохранные институты как «правила игры» в обществе, или созданные челове-

ком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми в природоохранной сфере. Такие институты (формальные и неформальные)² возникли как поведенческая реакция людей и их сообществ на угрозы (реальные или вымышленные) их безопасности. Они ограничивают и регламентируют природопользование, тем самым снижая риски негативных экологических последствий человеческой деятельности, делая территориальное развитие более экологичным.

Эти институты — продукты коллективного действия; именно они уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь или, другими словами, определяют или ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого индивида во взаимоотношениях с окружающей природной средой, а также снижают вероятность деструктивного поведения и возникающих при этом конфликтов. Природоохранные институты, регулирующие отношения в сложной открытой неравновесной системе «Природа — Общество», представляют собой одну из наиболее древних и устойчивых форм ограничений, которые организуют взаимоотношения между людьми. Выбор и особенности природоохранных институтов связаны с территориальным конкретным набором культурных образцов поведения и действий, которые «запечатываются» в социальную форму.

Природоохранные институты не представляют собой обособленную систему управления, поскольку зависят от характера и пространственного расположения источника опасности, экологической уязвимости, социокультурно обусловленного диапазона приемлемых решений реальных распорядителей ресурсов. Развивая идеи Boschma [9, 10], применительно к изучаемой нами эволюции институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью, важно сфокусировать внимание на эволюции территориальных институциональных систем, поскольку природа в современном понимании — это не только набор ресурсов, но и в первую очередь совокупность экосистем, в той или иной мере преобразованных человеком. Тем самым, территория становится сущностью сама по себе, про-

² *Неформальные природоохранные институты* выражаются в обычаях, традициях, религиозных нормах и правилах, ограничивающих и регламентирующих воздействие на окружающую среду. *Формальные природоохранные институты* отличаются от неформальных по степени проявления. Создание юридических систем, призванных решать все более сложные конфликты и споры, влекло за собой расширение сферы применения формальных правил. Взаимодействие институтов может быть как дружественным, так и конфликтным (авт.).

изводя как материальные, так и нематериальные активы и экосистемные услуги, сохранение и восстановление потоков которых обеспечивают уникальные знания и природоохранные институты.

При решении задач социокультурной «настройки» универсальных, применяемых в большинстве стран мира, природоохранных институтов в территориальных институциональных системах полезно применение методологии институциональной и эволюционной экономической географии, которая признает ограниченную рациональность и зависимость от контекста принятия решений реальными распорядителями ресурсов, а также обладает рядом других общих черт: междисциплинарность и системность, реализует выход на длительные горизонты исследований [11, 12]. Для природоохранной сферы актуален длительный горизонт исследования, поскольку, как писал Ф. Бродель, «...географическое рассмотрение долгосрочных периодов приводит нас к пониманию самых длительных процессов, которые знает история» [13, С. 117].

Подход эволюционной экономической географии концентрирует внимание на динамике «зависимости от пути» (path-dependent dynamics), которая обуславливает неравномерное экономическое развитие в пространстве, в то время как институциональная экономическая география в качестве важнейшего элемента предполагает исследование институциональных заимствований³. Сама же категория институциональных заимствований начала входить в институциональный экономический анализ сравнительно недавно. Среди работ, так или иначе затрагивающих эту проблематику, можно отметить исследования Д. Норта, Т. Эггертсона, Г. Мюрдаля, К. Эрроу, Д. Бьюкенена и Г. Таллока, среди российских авторов — А. Аузана, Р. Нуреева, Я. Кузьминова, А. Мау, А. Шаститко, А. Олейника, Р. Капелюшников и др.

Комплексное применение методологии эволюционной и институциональной экономической географии в исследованиях в области управления природоохранной деятельностью в значительной [15, 16] или «институциональному повороту» [17, 18]. Следует согласиться с Boschma и Frenken [19], что это существенно расширяет экономическую географию за счет междисциплинарного

³ В теории выделяют институциональные заимствования собственной или чужой истории, из опыта других стран, а также из теоретических разработок [14]. К особой форме импорта институтов возможно отнести и психологическое давление передаваемой информации о другой жизни.

синтеза знаний и достижений экономических, социальных, культурологических и политических наук.

Основные черты и особенности эволюции природоохранных институтов

На протяжении веков природоохранные институты побуждали людей ограничивать потребление природоохранных ресурсов и экосистемных услуг. В качестве основных факторов институциональных изменений Д. Норт выделял идеологию и сдвиги в структуре относительных цен, которые происходят под влиянием технического прогресса, появления новых видов продукции, открытия новых рынков, роста населения [20, 21]. Эти факторы применимы и для анализа эволюции институциональных изменений в территориальных институциональных системах в природоохранной сфере на территории современной России, где можно выделить несколько исторических периодов.

Первый — период возникновения относительно обособленных общинных институциональных систем, включающих в себя природоохранные институты, ограничивающие и регламентирующие природопользование в интересах выживания людей. Природоохранные институты отражали духовный мир первобытного человека, который отличался синкретичностью, обожествлением природы. Мотивация первобытного человека принципиально отличалась от современного; даже в средневековье у славянских общин сохранялось древнее отношение к природе как к лону, порождающему безграничные ресурсы; доминировал культ Матери-Земли.

Уже в первобытном обществе, чтобы не умереть с голоду в условиях, когда вмещающая окружающая природная среда не могла прокормить членов первобытной общины, были неизбежны коллективные решения либо о перемене места обитания, либо регулировании природопользования в местах обитания, либо о регулировании численности общины. Практиковались табуирование, установление сроков и регламентов сбора природных продуктов и охоты, выделялись «священные рощи». Ограничение потребления в ряде случаев приводило к весьма жестким обычаям по сокращению численности: хочешь завести ребенка — принеси скальп врага; умерщвление стариков и «лишних» новорожденных; пожизненное вдовство и др. Устанавливался контроль за распределением и потреблением добытых членами общины продовольственных и материальных ресурсов. В мире первобытного человека существовали специфические механизмы регулирования — изгнание из общин, казни, взаимное одаривание,

вергельд и кровная месть — некоторые из них сохранились до сегодняшних дней [22].

Если до возникновения языка экологический опыт реализовывался в виде неформальных институтов, регламентирующих социальное поведение первобытных людей, то с его возникновением можно говорить о появлении первых формальных природоохранительных институтов. Природоохранное регулирование, особенно формальное, получило свое развитие у земледельческих общин на стадии мезолитического перехода⁴, когда у первобытных людей возникла потребность в новых институтах, ограничивающих природопользование в местах оседлого проживания; в этот период появились первые «священные рощи», ограничения на охоту, собирательство и т. п.⁵

Второй — период формирования двухуровневой системы природоохранительных институтов в племенных союзах и первых государствах, когда под влиянием технического прогресса, появления новых видов продукции, открытия и расширения рынков, роста населения возросла роль межобщинных обменов, а позднее и международной торговли по основным речным путям: Волжскому (из «варяг в арабы») и Днепровскому («из варяг в греки»). Последнее вызвало сдвиг в структуре относительных цен на экспортируемые природные ресурсы. По рекам в страны Востока, через Хазарию, а позднее по Днепру в Византию вывозили меха, мед, воск, клыки моржей, рабов, а в отдельные периоды — шерстяное сукно и льняное полотно; ввозили серебро, специи, драгоценные камни, шелковые и сатиновые ткани, а также оружие дамасской стали и лошадей. Зерно в качестве основного экспортного товара не отмечается ни в арабских, ни в византийских источниках.

В IX веке и позднее на Руси сложились и развивались две относительно независимые институциональные системы: земледельческая общинная (коренное население) и военизированная, свойственная отрядам викингов (варягов), с их презрительным отношением к земледельческому

⁴ Это был достаточно длительный период с позиций сегодняшнего дня, однако он условно может быть рассмотрен как единый момент истории с общими характеристиками.

⁵ Многие современные природоохранительные институты местного самоуправления (формальные и неформальные), учитывающие социокультурные особенности конкретной локальной территории, являются в своей основе результатом неолитической революции, а иногда люди видят в мезолитических общинах Нью Эйдж идеал. Наиболее известны: Финдхорн (Шотландия), Даманур (Италия), Фарм (США), Белый Лотос (Австрия), Ауровиль (Индия), Кристальные Воды (Австралия).

труду и работоторговлей⁶. По мнению А. А. Горского [23], на Руси, вследствие силовых отношений с коренным населением, сложилась система поборничества, а господствующей социальной группой выступала дружинная корпорация во главе с князем. Она обеспечивала охрану торговых путей, а также создала условия и предпосылки возникновения торговых поселений и городов (Гнездово, Тимерево, Киев, Ярославль и др.), а затем и крупнейшего торгового государства Восточной Европы раннего средневековья — Киевской Руси.

Язычество обожествляло силы природы; древние славяне почитали источники, рощи и отдельные деревья, озера, но именно в этот период истории общинные природоохранительные институты были дополнены новой группой институтов, ограничивающих и регламентирующих добычу и использование природных ресурсов, прежде всего экспортных, которые вводились князьями и племенной верхушкой с целью максимизации рентного дохода. С появлением племенных центров и городов возникла потребность в решении проблем жизнеобеспечения (уборка мусора, сбор загрязненных стоков и др.), а значит, появились новые институты. В Киевской Руси взимался налог «за дым», однако он не имел отношения к экологии⁷. Что касается сохранения экосистемных услуг, то в «Русской правде Пространной редакции» (1209 г.) из 121 статьи 10 были посвящены защите прав собственности на лесные промыслы, и в первую очередь — бортничество (4 статьи). Кроме того, законом была установлена ответственность за кражу собак, сетей птицелова, бобров, а также ловчих птиц; последние ценились не ниже коня, были предметом гордости князей и часто экспортировались (ПРП, 1952, вып. 1, с. 116). Однако «Русская правда» совсем не упоминала норм, регулирующих земельные отношения, тем не менее, включала статьи, предусматривающие штраф и возмещение убытка за хищение добычи из ловчих орудий, за охоту на чужих землях. Специальная статья предусматривала наказание за разорение гнезд диких пчел [25]. Принятие христианства из Византии послужило мощнейшим фактором культурного облучения, которое институционально способствовало усилению центральной власти и гуманизации общественной жизни,

⁶ Ибн-Росте пишет: «Русь пашен не имеет». Другие арабо-персидские источники отмечают города, фактории, целые «острова» росов, деловые качества этого народа, воинственность, драчливость, храбрость.

⁷ На Руси дым был основной единицей обложения примерно до XIV—XV веков; аналогичная окладная единица была известна в Закавказье, Польше, некоторых районах Балканского полуострова [24].

включая отношения в системе «Природа — Общество».

Третий — период активных институциональных заимствований из стран с различными социокультурными условиями при дезинтеграции Киевской Руси. В этот период усилилось влияние разнонаправленных религиозных идеологий. На фоне снижения объединяющего начала великих речных путей открылись новые рынки на Востоке и Западе. Этому способствовало постепенное вхождение частей Киевской Руси в иные государственные образования. Процесс сопровождался активным заимствованием институтов из стран с иной культурной традицией, что привело к формированию различных траекторий развития институциональных систем и, соответственно, определило различия в эволюции природоохранных институтов.

Владими́ро-Сузда́льская Русь, завоеванная таттаро-монголами, вошла в XX веке в институциональную систему Джучиева улуса империи Чингисхана и была поставлена под управление Закона «Их За-саг» [26]. Сын Джучи Бату-хан для зависимых от Орды государств (Русь, Азербайджан, Персия) — издавал письменные указы, именуемые «зарлиг» (ярлык — рус.). Это способствовало укреплению отношений по типу «власть — собственность»; вечевые традиции Киевской Руси ушли в прошлое⁸. В рамках единой империи, где соблюдалась религиозная терпимость и обеспечивалась жесткая дисциплина, Великий шелковый путь стал безопасным, что способствовало расширению торговли и ускорению институциональных заимствований [27].

Какие же были представления об охране природы у завоевателей? В первую очередь, следует выделить обычай не трогать землю и воду, что связано с почитанием неба и земли, солнца и луны [28]. По закону «Их За-саг» Чингисхана, тех, кто осквернял реку или воду в колодцах, серьезно наказывали; было запрещено мыться в реке. Арабский историк Аль-Макризи отмечал, что, согласно закону Чингисхана, тот, кто мочится в воду или на пепел, предается смерти [29]. Одним из основных положений закона была любовь к земле. Монгольский профессор Т. Сэнгэдорж отмечает, что в законе Чингисхана «Их За-саг» встречаются слова «плодородный мир», которые привлекают особое внимание, как и то, что в XII веке Ванхан Хэрэйд аймака создал заповедники на горах Богд и Хэн, которые вот уже

⁸ Прямое институциональное заимствование русскими княжествами иного опыта было затруднено, князья не имели прав на ведение внешнеполитической деятельности без согласия хана.

800 лет остаются заповедными местами в Улаанбаатаре [28]. Земли, которые Чингисхан по своему указу давал во владение князьям, не были прямой их собственностью, а подлежали выбору последующих владельцев. По указу (ярлыку) князья имели право управлять народом этих земель.

В значительной степени «Их За-саг» состоит в защите матери-земли, в предотвращении посягательств на вечные ценности. Об этом свидетельствуют следующие строгие положения: «...если возник пожар на пастбище или кто-либо побьет лошадь по голове и глазам, то следует убить виновного». Китайский ученый Сайшиял в 34 фрагменте своего варианта «Их За-саг» писал: «Так как монгольское государство главное внимание уделяло кочевому скотоводству, то особенно бережно относились к пастбищам, и существовал особый закон «О пастбищах». Тех, кто портил пастбища, тяжело наказывали. Тех, кто после появления травы просверлит землю или сожжет пастбище, тех следует убить» [30]. Заслуживают внимания подробные заметки Плано Карпини о действии отдельных положений закона «Их За-саг»: «...не убивать животных копьем, не трогать яйца птиц, охотиться за исключением периода размножения, избегать ранения животных, четко различать животных, пригодных для охоты» [31].

Многие из этих природоохранных институтов близки дохристианским языческим общинным природоохранным нормам и правилам природопользования славянского и угро-финского населения Руси, когда природное пространство, земля принадлежала богам, а значит, являлась общественным благом. Землю использовали по праву заимки⁹. При преобладающем подсечном земледелии затраты на обретение ресурса сводились к издержкам перехода на другое место; истощенное поле оставлялось. Русская народная сказка донесла до нас образ идеального мира неограниченных и бесплатных ресурсов, свойственных «экстенсивному» человеку: «скатерть-самобранка», «неразменный пятак» и прочие образы соответствовали этому идеалу. К сожалению, исследований по прямым заимствованиям природоохранных институтов Джучиева Улуса на Руси нам не известно. Тем не менее сложившаяся в нем модель «власть — собственность»¹⁰ формировала свою систему природоохранных институтов, индифферентных к правам частной собственности на землю.

⁹ Средневековый русский крестьянин говорил: «Земля Божья и государева, а запашка моя» [32, С. 179].

¹⁰ Термин был удачно предложен Л. С. Васильевым для обозначения типичного для стран Востока института зависимости прав собственности от должностного статуса [33].

Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных (ВКЛ)¹¹ добровольно или полудобровольно вобрало в себя большинство бывших княжеств Киевской Руси и превратилось в одно из крупнейших государств средневековой Европы. Основой его экономического развития было сельское хозяйство. Уже в 1447 г. литовское дворянство получило, по польскому образцу, гарантии частной собственности на землю и налоговый иммунитет (правитель Литвы лишился права налагать подати и повинности на частновладельческих крестьян). В XIV—XV вв. интенсивно развиваются города как административные, военные и ремесленно-торговые центры. В XVI в. создаются цеховые объединения ремесленников, деятельность которых регламентировалась уставами. Расцвету городов способствовало Магдебургское право, или право на самоуправление, которое предполагало и санитарные нормы. Первым из городов ВКЛ Магдебургское право получил в 1387 г. Вильно, затем в 1390 г. — Брест [34].

В условиях относительной терпимости к выбору веры, особенно на первых этапах развития (православие, католичество, униатство, кальвинизм и т. д.), в ВКЛ долго сохранялась боярская самостоятельность и вечевое самоуправление, которые постепенно трансформировались в дворянскую демократию¹². Технические инновации импортировались преимущественно из западных стран и сопровождалась социальными и культурными заимствованиями. Литовские статуты регулировали природопользование. Особенно следует выделить третий Статут Великого княжества Литовского, который был подписан в 1588 г.¹³, его 10-й раздел был посвящен охране природы; тем самым леса, реки, озера, животные и птицы находились под охраной закона. За нарушение норм Статута виновные привлекались к ответственности. Так, за умышленные поджоги лесов,

¹¹ В XVI веке Великое княжество Литовское вошло в состав Речи Посполитой (авт.).

¹² В 1505 г. шляхетский сейм в городе Радоме принял так называемую «Радомскую конституцию»: правитель не имел права издавать какие-либо законы без согласия представителей дворянства (сената), причем для принятия закона требовалось его единогласное одобрение всеми участниками сейма — дворянского парламента. Трансляция на ВКЛ польских институтов дворянской демократии резко ускорилась после Люблинской унии 1569 г., когда ВКЛ окончательно слилось с Польским королевством, и объединенное польско-литовско-русское государство стало называться «Речь Посполитая» (Rzecz pospolita — по-польски «республика», «общее дело»).

¹³ Это был свод всех законов, действовавших тогда в ВКЛ, прототип конституции. По образцу Статута позднее были написаны своды законов многих стран Центральной и Восточной Европы.

которые, как говорилось в законе, наносят большой вред птицам, пчелам, зверью, полагалась даже смертная казнь (р. X, арт. 17). Ряд статей охранял природу от хищнического уничтожения: за соколиное гнездо полагалось 6 рублей уголовного штрафа, а за гнездо лебедя — 3 рубля; за нарушение бобровых гонов — 12 рублей и т. д. Устанавливались также штрафные санкции за повреждение бортного дерева (р. X, арт. 13) [35].

Новгородская Республика изначально развивалась в сравнительно суровой природно-климатической зоне, что обусловило особую социальную структуру общества и необычайную для средневековой Руси форму государственного правления и отношений в сфере природопользования¹⁴. Здесь доминировали интересы торговли с Западной Европой и Низовыми Землями, а богатство воспринималось как капитал и, в меньшей степени, как владение землей. «Господин Великий Новгород»¹⁵ был активным участником балтийской торговли (в основном через Ганзу). Важнейшие статьи экспорта — меха и воск, выделанные кожи и кожаные изделия. С Запада ввозились в основном дорогие ткани (особенно сукно), а также цветные металлы, используемые во многих ремеслах. Из привозного янтаря делались ювелирные украшения, ввозились также ртуть, мышьяк, купорос; из пищевых продуктов — балтийская сельдь, соль, а в неурожайные годы — и хлеб¹⁶.

Высшим представительным и законодательным органом власти «Господина Великого Новгорода» являлось вече¹⁷, которое позволяло учитывать интересы не только бояр, но и церкви, а также «концов» — жилых районов города. Главой исполнительной власти в Новгороде был посадник, представлявший какой-либо из боярских кланов¹⁸. Приглашаемый на временную службу князь не имел права вмешиваться в поземельные отношения [36, 37]. В системе власти «Господина

¹⁴ В VIII—IX вв. словене, кривичи, полочане, дреговичи стали заселять Восточную Прибалтику, ассимилировав карело-финские племена — весь, чудь, меря.

¹⁵ Новгород приобрел суверенитет от Киева в 1136 г. и существовал как независимое государство до присоединения к Москве в 1478 г.

¹⁶ В 1231 г. летописец отмечал, что немцы привезли хлеб и тем самым спасли от голода новгородцев, дошедших до крайности.

¹⁷ Судя по размеру вечевого площади, оно состояло из относительно небольшого числа участников (до 500).

¹⁸ Именно бояре организовывали торгово-промышленные предприятия, торговлю с западными соседями (городами ганзейского торгового союза) и с русскими княжествами. Развитие ремесел и торговли велось интенсивнее, чем в других русских землях (что объяснялось выходом к морям); развивалось и сельскохозяйственное производство.

Великого Новгорода» значительную роль играла православная церковь¹⁹ — начиная с XIII века именно архиепископ возглавлял Совет господ, который был постоянным высшим исполнительным органом власти в Новгородской республике [38, 39]. В этом правительственном органе были представлены все слои населения, приходское духовенство и монашество [40, С. 77].

Эволюция природоохранных институтов «Господина Великого Новгорода» отражала самобытную традицию развития частнособственнических отношений, под воздействием не только Владимиро-Суздальской Руси и ВКЛ, но и в значительной степени прибалтийских культур²⁰. Здесь существовала развитая система сделок, связанных с установлением и прекращением права собственности на землю (сельскохозяйственные земли, водные объекты, в том числе для рыбной ловли, лесные земли и т. д.). В судной грамоте²¹ зафиксирован порядок разрешения споров между владельцем земли или ульев диких пчел с крестьянами-общинниками.

К числу серьезных имущественных преступлений относился поджог, в том числе лесных угодий, который наказывался смертной казнью. В Новгороде и Пскове существовало высокое представление о чести человека. Так, по Псковской Судной Грамоте, тягчайшим оскорбительным действием считалось повреждение бороды (ст. 117): «послух изнеможет — ино за бороду присудить два рубля, и за бои²²». Такой штраф (продажа) — самое высокое денежное взыскание, большее, чем даже за убийство (по Псковской Судной Грамоте за убийство была установлена продажа в размере одного рубля). Примечательно то, что наказание за оскорбление не зависело от социального положения оскорбленного.

Четвертый — период становления и развития системы природоохранных институтов на основе

¹⁹ Новгородский архиепископ был арбитром в хозяйственных спорах, утверждал земельные сделки, хранил государственную казну и во время конфликтов мирил враждовавшие стороны; также церковь выполняла функцию палаты мер и весов — важнейшую для торговли. С начала XII века глава церкви — епископ (архиепископ) избирался, а затем направлялся на поставление к митрополиту Киевскому.

²⁰ Большое влияние на развитие правовой системы оказала «Русская Правда». Важными правовыми источниками были княжеские уставы и грамоты. Среди других источников следует отметить договоры города с князьями, судебную практику и иностранное законодательство.

²¹ От Новгородской судной грамоты XV в. сохранился отрывок, содержащий нормы судоустройства и процессуального права. Но близкая к ней Псковская судная грамота сохранилась полностью.

²² Бой — это преступление против личности «человека».

монополярной институциональной матрицы. Исторической наукой достаточно обоснованно доказано влияние на институциональную систему усиливающегося Великого Княжества Московского ордынских властных традиций (в меньшей степени, византийской культуры), что выразилось в усилении московского самодержавия и поместной системы [41—43].

Права владения землей и природными ресурсами воспринимались людьми как дарованные «природным» царем, которому подданные платят «положенный» устоявшийся «отход». В такой институциональной системе интересы государства доминируют над личными, а роль главного (и единственного) инноватора институциональных изменений отводится Государю. Отсюда и характерные для эпохи Московского Царства приоритеты природоохранной деятельности: организация заповедных зон для царских охот, которые недоступны для простых подданных; защита экспортных природных ресурсов; охрана источников жизнеобеспечения (питьевая вода); оборонные мероприятия (создание засечных полей) и т. д.

В 1649 г. царем Алексеем Михайловичем было принято Соборное Уложение, которым, в частности (ст. 23, гл. 7), разрешалась «служилым людям» беспрошленная рубка в любых частных лесах; в то же время, порубки и иные нарушения, такие, как порча птичьей привады, кража тетеревиного шатра, или «куропатной» сетки, порча или рубка бортного дерева, кража пчел и другие строго наказывались. Для охраны мест, где охотился царь, выделялись специальные заказники; ради сохранения гнездовой ловчих кречетов он приказал 7 островов, вытянувшихся вдоль восточной части побережья близ современного Мурманска, считать «государевой заповедью». В Московской Руси (XV—XVII вв.) применялись специальные охранные грамоты, которые можно рассматривать как частный случай ограничений на те или иные виды природопользования²³. Так же продолжали охраняться святые озера и ключи, теперь освященные христианством.

Российская империя сохранила в качестве основы самодержавную модель общественного договора со свойственной ей монополярной институциональной матрицей, что обусловило сильное

²³ Например, в грамоте Вяжицкому монастырю, датированной 1477—1478 гг., монастырскому ключнику Якиму и крестьянам в Толвуде запрещалось промышлять в монастырских островах: «...леса не секите, сена не косите, зайцев не гоняйте, рыб не ловите, ягод ни губ не берите. А кто ослушается нашей грамоты... тот буде лишен лотки и сеи, а за свою вину даст нам рубль» [44].

государственное регулирование и длительное сохранение сельской переделной общины. Как и ранее, от самодержцев зависело практически все. Тем не менее, по воле Петра III произошло закрепление частной собственности дворянства (1762 г.), а при Николае II — предпринимателей и крестьян (1907 г.).

По мере усложнения общества появлялись новые виды используемых природных ресурсов и экосистемных услуг; расширялся и спектр природоохранного регулирования. Во времена Петра I стали охранять корабельные леса и стремиться обеспечить водность речных путей. В 1701 г. Петр I объявил указ «О нечистке под пашню лесов по рекам, по коим леса гонят в Москву, а чистить их в 30 верстах выше». Через два года были заповеданы дуб, ильм, вяз, ясень, карагач и лиственница, а также сосна 12 вершков (в диаметре). Рубить леса с этими породами строго запрещалось в полосе на 50 верст от больших рек и на 20 верст от малых. За нарушение указа взымалось до 10 рублей за одно дерево. Петром I поддерживались лесопосадки; в 1702 г. был заведен в Москве Аптекарский сад, а в 1714 г. — Аптекарский огород в Петербурге. Эти аптекарские учреждения имели целью снабжать армию и население лекарственным сырьем, которое до этого завозилось из-за границы. «Дабы промыслы развивались» императором были запрещены хищнические способы охоты и рыбной ловли. Он заботился о сохранении почвы, а также много внимания уделял защите берегов каналов от размывания и разрушения.

С момента своего вступления на престол Императрица Елизавета Петровна повелела строго исполнять все начинания отца, заявив о «возобновлении прежде выданных указов». В 1773 г. Екатериной II введен запрет на добывание лосей европейской части России: «...Лосей нигде, ни в какое время и никому отнюдь не стрелять, ничем не убивать и не ловить». В 1766 г. вышли указы о генеральном межевании, которые следует считать важным пунктом в формировании государственного ресурсопользования и ресурсоуправления, поскольку по результатам межевания были получены первые достоверные планы земельных объектов, в том числе и лесов. Кроме того, генеральное межевание дало толчок не только учета земельных угодий, но и активизации деятельности по учету и определению ареалов зверей и птиц, встречавшихся в том или ином землевладении; в экономических примечаниях к генеральному межеванию приводились списки выявленных птиц и зверей.

В целом, за период с XVII по XIX век правительством было издано более 500 законов и указов

по регламентации использования природы, из которых выполнялись лишь немногие [45]. В начале XX века большое беспокойство вызывало снижение численности морских котиков. В результате в 1911 г. между Россией, США, Великобританией и Японией была заключена Вашингтонская конвенция о международной охране котиков, которая на 15 лет запрещала их добычу к северу от 30 параллели с. ш., включая воды Берингова, Камчатского, Охотского и Японского морей. В 1916 году был создан первый в России Баргузинский заповедник, а также выделены Саянский охотничий заповедник и Казыр-Сукское промыслово-охотничье хозяйство. В конце XIX века вводились ограничения на сброс загрязненных сточных вод (например, в г. Переславле-Залесском); Губернский земский собор [46] принял решение «рекомендовать Переславскому удельному ведомству принять меры предохранения Трубежа и других притоков от загрязнения». По существу, это было первое нормативное правовое решение в России по промышленной экологии.

Советский период. Монополярная институциональная матрица со свойственной ей унитарно-централизованной системой государственного устройства, несмотря на социально-экономические трансформации XX века, сохранилась в России до настоящего времени [47—51]. Несмотря на все повороты истории она оказалась приемлемой не только для самодержавной власти имперской России, но и социалистического эксперимента XX века со свойственным им ориентацией на модель «человека административного» [52]. Как отметил Линдси Б. «...Адепты централизации привлекали симпатии масс призывом «назад в будущее», обещая все достижения науки и техники через возврат к архаическим социальным ценностям» [53, С. 47]. Относительно короткие периоды буржуазных реформ 1917 г. и начала 90-х годов XX века закончились реставрацией монополярной модели государственного устройства.

В рамках такой модели в XX веке происходило постепенное разрушение природоохранных институтов и потеря традиций рационального природопользования, связанных с местным самоуправлением. Природоохранная деятельность в конце советского периода истории осуществлялась посредством реализации планов и программ территориального развития, которые включали в себя природоохранные разделы. Реализация этих документов осуществлялась государственными организациями, вертикально интегрированными в рамках отраслевых министерств и ведомств; в 1980-х годах разрабатывались комплексные территориальные схемы охраны природы

(ТЕРКСОПы). Основную координирующую роль в природоохранном управлении играли органы КПСС, обеспечивающие территориальное межотраслевое взаимодействие. В условиях отсутствия частной собственности в качестве природоохранных механизмов применялись: организационно-идеологическое воздействие, заслушивание руководителей в органах исполнительной власти, депремирование руководителей, обращение в отраслевые министерства, весьма незначительные штрафы и иски. Общественные природоохранные организации (в первую очередь Всероссийское общество охраны природы — ВООП) дополняли институциональную систему, обеспечивая моральное воздействие на нарушителей природоохранного законодательства.

Подъем природоохранной активности в рамках советской модели общественного устройства пришелся на 80-е годы XX века, поскольку повышение экологической безопасности соответствовало декларированному лозунгу построения «социализма с человеческим лицом». В 1988 г. были созданы государственные комитеты по охране природы как центральные органы государственного управления в области охраны природы и использования природных ресурсов. Сразу же стала формироваться система территориальных органов и к концу 1989 г. было создано уже 72 региональных комитета по охране природы [54].

После рыночных реформ 90-х годов XX века, которые сопровождались восстановлением института частной собственности, развитием предпринимательства, формированием элементов гражданского общества, усилением индивидуалистической ментальности, возникла потребность в создании природоохранного регулирования, эффективного в сложившихся условиях. Тогда многие природоохранные институты советского периода истории уже потеряли эффективность, а институциональный вакуум стал ускоренно заполняться за счет импорта природоохранных институтов из опыта наиболее экономически разви-

тых стран с иной институциональной историей. В результате возник конфликт между сохраняющимися неформальными институтами и формальными, поскольку и те и другие часто были несовместимы друг с другом. Он решался либо отказом от нового института, либо его трансформацией в сдаточно-раздаточной логике (в терминологии С. Г. Кирдиной [55, 56] для адаптации к исторически сложившемуся институциональному коридору. Наибольшие сложности возникли с механизмами территориальной координации природоохранной деятельности (местное природоохранное планирование с широким участием населения и др.), поскольку их применимость напрямую определяется уровнем развития местного самоуправления. Напомним, что в XX веке с разрушением сельской общины были утеряны многие местные природоохранные институты, прежде всего неформальные, имеющие многовековую историю; в начале XXI века ликвидирован муниципальный экологический контроль — эта функция перешла на уровень субъектов федерации.

Таким образом, система природоохранных институтов постсоветской России, несмотря на отдельные попытки институциональных природоохранных изменений, не вышла из исторической институциональной колеи, обусловленной эволюционно сложившейся моделью общественного договора. Эффективными в этих условиях оставались контроль и административное регулирование, а также применение штрафных санкций. Экономические природоохранные институты, использование которых связано с наличием устойчивых прав собственности, малоэффективны: например, несмотря на попытки, рыночно-ориентированные методы оценки экологических ущербов внедряются крайне сложно. Большинство экологических опасных объектов прошлого ущерба не имеют собственников и затраты на их ликвидацию ложатся на налогоплательщиков, а не на виновных в загрязнении.

Библиографический список

1. Оценка экосистем на пороге тысячелетия: Доклад концептуальной рабочей группы. — 2005.
2. Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. — М.: Мысль, 1982. — 336 с.
3. Назаретян А. П. Смислообразование как глобальная проблема современности (синергетика, мега-история и антропный принцип) // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 5—19.
4. Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (20—22 июня 2012 года). URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.
5. Фоменко Г. А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
6. Каплан Р. К. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с.
7. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Изд. Дом Гос. ун-та — Высшая школа экономики, 2010.

8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. — М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. — 180 с.
9. Boschma R. A. The competitiveness of regions from an evolutionary perspective // *Regional Studies*. — 2004. — Vol. 38, no 9. — P. 1001—1014.
10. Boschma R., Coenen L., Frenken K., Truffer B. Towards a Theory of Regional Diversification: Combining Insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies // *Regional Studies*. — 2017. — Vol. 51, no. 1. — P. 31—45.
11. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Научные исследования в области применения механизмов экономического стимулирования для снижения общей антропогенной нагрузки на окружающую среду и подготовка научно обоснованных предложений по переходу Российской Федерации к экономике, направленной на повышение эффективности потребления природных ресурсов и снижение общей антропогенной нагрузки на окружающую среду». — Ярославль: ООО НПП «Кадастр», 2017.
12. Экологическая стратегия развития территории, сохранения окружающей среды и воспроизводства природных ресурсов Ярославской области: проект / Департамент охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области; Г. А. Фоменко и др. — Ярославль, 2015.
13. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.
14. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 416 с.
15. Amin A., Thrift N. (eds.) *Globalization, Institutions and Regional Development in Europe*. — Oxford: Oxford University Press, 1994.
16. Barnes T. J. Rethorizing economic geography: from the quantitative revolution to the “cultural turn” // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2001. — Vol. 91, no. 3. — P. 546—565.
17. Martin R., Sunley P. Paul Krugman’s geographical economics and its implications for regional development theory. A critical assessment // *Economic Geography*. — 1996. — Vol. 72, no. 3. — P. 259—292.
18. Martin R. Putting the economy back in its place: one economics and geography // Paper presented at the Cambridge Journal of Economics Conference “Economics for the Future: Celebrating 100 years of Cambridge Economics”. — Cambridge, 2003.
19. Boschma R., Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary science? // *Journal of Economic Geography*. — 2006. — No 6. — P. 273—302.
20. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*. — 1993. — Т. 1, вып. 2. — С. 69—91.
21. Норт Д. К. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. — 1997. — № 3. — С. 6—17.
22. Белоконов Л. С. Природоохранные традиции, обычаи и законы // *Биология*. — 2000. — № 45.
23. Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. — М.: Ломоносов, 2016. — 216 с.
24. Политическая наука: словарь-справочник. — Изд. 6-е, исп. и доп. / Сост. И. И. Санжаревский. — Тамбов, 2016.
25. Правда Русская (1940—1963) / Под редакцией Б. Д. Грекова. — М.; Л.: Издательство АН СССР.
26. Великая яса // Вернадский Г. В. Монголы и Русь. — Тверь—М., 1997. — С. 108—130.
27. Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира / пер. с англ. Е. Лихтенштейна. — М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. — 493 с.
28. Молчанов Б., Жанчивдорж М. Обычное право Монголии об охране природы // *Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья*. URL: <http://law.vl.ru/analit/>. Дата обращения: 03.08.2018.
29. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. — М.: ЭКСМО, 2015. — 670 с.
30. Сайшиял. Сказание о Чингисхане: историко-биографическая хроника. — Улан-Удэ: Республ. типография, 2006. — 576 с.
31. Карпини Дж. дель Плано. История монгалов / Рубрук де Г. Путешествие в Восточные страны / Рубрук де Г. Книга Марко Поло. — М.: Мысль, 1997.
32. Покровский М. Н. Русская история в самом кратком изложении. — М.: Партиздат, 1931.
33. Васильев Л. Феномен власти-собственности // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. — М.: Наука, 1982.
34. Новік Я. К., Марцуль Г. С., Качалау І. Л. і інш. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў — па люты 1917 г./ Пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. — 2-е выд., перапрац. і дап. — Мн.: Універсітэцкае, 2000. — 416 с.
35. Довнар Т. И. Значення і місце стутуту 1566 року в правовому розвитку великого князівства Литовського / *Аннали юридичної історії*. — 2017. — № 1, січень-березень, випуск «історія та географія середньовічного права».
36. Андреев Н. Н. Вечевая Русь, или Вольный город Новгород Великий. СПб., 1912. — 72 с.
37. Земцов Б. Н., Шубин А. В., Данилевский И. Н. История России. — СПб.: Питер, 2013. — 416 с.
38. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 2. Курс Русской истории. — М.: Мысль, 1988. — 448 с.
39. Никитин В. А. Слава и шит Руси: Новгород Великий X—XV вв. // *Богословские труды*. Сб. 29. — М., 1989.
40. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. — М.: Наука, 1991. — 381 с.
41. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 1024 с.
42. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. — М.: Директ-Медиа, 2015. — 136 с.
43. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. — 279 с.
44. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 408 с.
45. Дулов А. В. «Не руби сук, на котором сидишь». Народные традиции охраны природы в России 10 — середины 19 вв. // *Историко-экономические исследования*. — 2009. — Т. 10, № 3.
46. Авалиани С. Л. Земские Соборы. Историография, состав и теория представительства. — Одесса: Типография «Техник», 1910. — 227 с.
47. Аузан А., Сатаров Г. Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации // *Вопросы экономики*. — 2012. — № 6. — С. 65—74.

48. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — М.: ТЕИС, 2000. — 213 с.
49. Кирдина С. Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // *Пространственная Экономика*. — 2016. — № 3. — С. 133—150.
50. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. — Новосибирск, Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1997. — 76 с.
51. Латов Ю. Д. Власть собственности в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. — 2004. — Т. 2, № 4.
52. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // *Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса*. Т. 1 / Под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 1999. — 283 с.
53. Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 416 с.
54. Фоменко Г. А. О первоочередных задачах по организации управления природопользованием на урбанизированных территориях в переходный период // *Физико-географические аспекты изучения урбанизированных территорий*. — Ярославль, 1992. — С. 37—38.
55. Кирдина С. Г. Теория институциональных матриц, или X-Y-теория: основные тезисы и приложения // *Журнал институциональных исследований*. — 2014. — Т. 6, № 3. — С. 14—33.
56. Кирдина С. Г. Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // *Журнал институциональных исследований*. — 2016. — Т. 8, № 4. — С. 72—91.

ENVIRONMENTAL MANAGEMENT: EVOLUTION OF INSTITUTIONAL CHANGES

G. A. Fomenko, Ph. D. (Geography), Dr. Habil, Professor, Research and Designing Institute Cadaster, Yaroslavl State Technical University, info@nipik.ru, Yaroslavl, Russia

References

1. Millennium Ecosystem Assessment: Report of the Conceptual Working Group (2005).
2. Anuchin V. A. (1982). Geographical factor in the development of society. Moscow, 1982. [In Russian].
3. Nazaretyan A. P. (2009). Sense formation as a global problem of the present (synergetic, mega-history and anthropic principle). *Problems of philosophy*, No. 5, P. 5—19.
4. Future we want: Outcome document of the UN Conference on Sustainable Development (June 20—22, 2012).
5. Fomenko G. A. (2004). *Environmental Management: A Socio-Cultural Methodology*. Moscow: Science. 390 p.
6. Kaplan R. K. (2015). Revenge of geography. What geographic maps can tell about the coming conflicts and the battle against the inevitable. Trans. by M. Kotova. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus, 384 p.
7. North D. K. (2010). Understanding the process of economic change. Moscow: Publishing House of the State University — Higher School of Economics.
8. North D. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Trans. by A. N. Nesterenko; foreword and sc. ed. by B. Z. Milner. Moscow: Stock of economic books “Beginning”, 180 p.
9. Boschma R. A. (2004). The competitiveness of regions from an evolutionary perspective. *Regional Studies*, Vol. 38, No. 9, P. 1001—1014.
10. Boschma R., Coenen L., Frenken K., Truffer B. (2017). Towards a Theory of Regional Diversification: Combining Insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies. *Regional Studies*, vol. 51, No. 1, P. 31—45.
11. Report on research work on the topic “Scientific research in the field of application of economic incentive mechanisms to reduce the total anthropogenic pressure on the environment and preparation of scientifically based proposals for the transition of the Russian Federation to an economy aimed at improving the efficiency of natural resource consumption and reducing the total anthropogenic load on environment” (2017). Yaroslavl: Institute Cadaster.
12. Ecological strategy for the development of the territory, preservation of the environment and reproduction of natural resources of the Yaroslavl region: project (2015). Department of environmental protection and environmental management of the Yaroslavl region; G. A. Fomenko et al. Yaroslavl.
13. Braudel F. (2002). Mediterranean Sea and Mediterranean world in the era of Filip II. Part 1: Role of environment. Moscow: Languages of Slavic culture. 496 p. [In Russian].
14. Oleynik A. N. (2002). *Institutional Economics: Tutorial*. Moscow: INFRA-M, 416 p.
15. Amin A., Thrift N. (eds.) (1994). *Globalization, Institutions and Regional Development in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
16. Barnes T. J. (2001). Rethorizing economic geography: from the quantitative revolution to the “cultural turn”. *Annals of the Association of American Geographers*, Vol. 91, No. 3, P. 546—565.
17. Martin R., Sunley P. (1996). Paul Krugman’s geographical economics and its implications for regional development theory. A critical assessment. *Economic Geography*, Vol. 72, No. 3, P. 259—292.
18. Martin R. (2003). Putting the economy back in its place: one economics and geography. Paper presented at the Cambridge Journal of Economics Conference “Economics for the Future: Celebrating 100 years of Cambridge Economics”, Cambridge, UK, September 17—19.
19. Boschma R., Frenken K. (2006). Why is economic geography not an evolutionary science? *Journal of Economic Geography*, No. 6, P. 273—302.
20. North D. K. (1993). Institutions and Economic Growth: Historical Introduction. *THESIS*, Vol. 1, No. 2. P. 69—91.

21. North D. K. (1997). Institutional Changes: Framework for Analysis. *Economic issues*, № 3. P. 6—17.
22. Belokon L. S. (2000). Environmental traditions, customs and laws. *Biology*. No. 45. [In Russian].
23. Gorsky A. A. (2016). *Medieval Rus. What the sources tell*. Moscow: Lomonosov. 216 p.
24. *Political science: dictionary reference* (2016). Compiled by I. I. Sanzharevsky. 6th edition, revised. Tambov.
25. *Russian Truth (1940—1963)*. Ed. by B. D. Grekov. Moscow; Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR.
26. Great Yasa (1997). Vernadsky G. V. *Mongols and Rus*. Tver—Moscow. P. 108—130.
27. Weatherford J. (2008). *Genghis Khan and the birth of the modern world*. Trans. by E. Lichtenstein. Moscow: ACT; Vladimir: BKT, 493 p.
28. Molchanov B., Zhanchivdorzh M. Common right of Mongolia on nature conservation. *Law. Internet Journal of the Association of Lawyers of Primorye*. URL: <http://law.vl.ru/analit/>. Access date: 03.08.2018.
29. Genghis Khan (2015). *The secret legend of the Mongols*. Great Yasa. Moscow: EKSMO, 670 p.
30. Sayshial (2006). *The legend of Genghis Khan: historical and biographical chronicle*. Ulan-Ude: Republic — Printing House, 576 p.
31. Carpine G. del Pian (1997). *Ystoria Mongalorum. Rubruck de G. Journey to Eastern countries*. Book by Marco Polo. Moscow: Mysl.
32. Pokrovsky M. N. (1931). *Russian history in the most brief statement*. Moscow: Partizdat.
33. Vasiliev L. (1982). *Power-Ownership Phenomenon. Social relationships types in the East in the Middle Ages*. Moscow: Science.
34. Novik Ya. K., Martsul G. S., Kachalau I. L. et al. (2000). *History of Belarus: Training Manual*. In 2 parts. Part 1. From ancient times to February 1917. Ed. by Ya. K. Novik, G. S. Martsul. 2nd ed., revised. Minsk: University, 416 p.
35. Dovnar T. I. (2017). Significance and place of the Charter of 1566 in the legal development of the Grand Duchy of Lithuania. *Annals of legal history*, Vol. 1, No. 1, January—March, Issue “History and Geography of Medieval Law”.
36. Andreev N. N. (1912). *Veche Rus, or the Liberal City of Novgorod the Great*. St. Petersburg, 72 p. [In Russian].
37. Zemcov B. N., Shubin, A. V., Danilevsky, I. N. (2013). *History of Russia*. St. Petersburg: Piter, 416 p. [In Russian].
38. Klyuchevsky V. O. (1988). *Writings in nine volumes. Vol. 2. The course of Russian history*. Moscow: Mysl, 448 p.
39. Nikitin V. A. (1989). *Glory and shield of Russia: Novgorod the Great in the 10th-15th centuries*. *Theological Works. Collection 29*. Moscow.
40. Yanin V. L. (1991). *Novgorod acts of the 12th—15th centuries*. Moscow: Science, 381 p.
41. Karamzin N. M. (2002). *History of the Russian State*. Moscow: Eksmo-Press, 1024 p.
42. Trubetskoy N. S. (2015). *A look at Russian history not from the West, but from the East*. Moscow: Direct Media, 136 p.
43. Gumilev L. N. (1990). *Geography of ethnos in historical period*. Leningrad: Nauka, 279 p. [In Russian].
44. *Charters of Novgorod the Great and Pskov*. (1949). Ed. Valka S. N. Moscow; Leningrad: Publishing house of USSR Science Academy. 408 p.
45. Dulov A. V. (2009). “Don't cut the branch you are sitting on.” Folk traditions of nature conservation in Russia in 10 — mid 19 centuries, Vol. 10, No. 3. [In Russian].
46. Avaliani S. L. (1910). *Land Assemblies. Historiography, composition and theory of representation*. Odessa [In Russian].
47. Auzan A., Satarov G. (2012). Priorities of institutional transformations in the context of economic modernization. *Questions of Economics*. No. 6. [In Russian].
48. Kirdina S. G. (2000). *Institutional matrices and the development of Russia*. Moscow: TEIS, 213 p.
49. Kirdina S. G. (2016). The role of institutions and geography in economic development: current controversy in heterodox economics. *Spatial Economics*, No. 3, P. 133—150.
50. Bessonova O. E. (1997). *Institutes of distributive economy of Russia: retrospective analysis*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. 76 p. [In Russian].
51. Latov Yu. D. (2004). Power-Property in Medieval Russia. *Economic Bulletin of Rostov State University*, Vol. 2, No. 4.
52. Simon G. (1999). *Decision making theory in economics and behavior science. Landmarks of economic science. The theory of consumer behavior and demand*. Vol. 1. Ed. by V. M. Galperin. St. Petersburg: School of Economics, 283 p.
53. Lindsay B. (2006). *Globalization: a repetition of the past. The uncertain future of global capitalism*. Moscow: Alpina Business Books.
54. Fomenko G. A. (1992). On the priorities for the organization of environmental management in urban areas in the transition period. *Physical and geographical aspects of the study of urban areas*. Yaroslavl, P. 37—38.
55. Kirdina S. G. (2014). Theory of institutional matrices, or X-Y-theory: basic theses and applications. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 14—33.
56. Kirdina S. G. (2016). Institutional organization of reproduction processes in the X- and Y-economies. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 72—91.